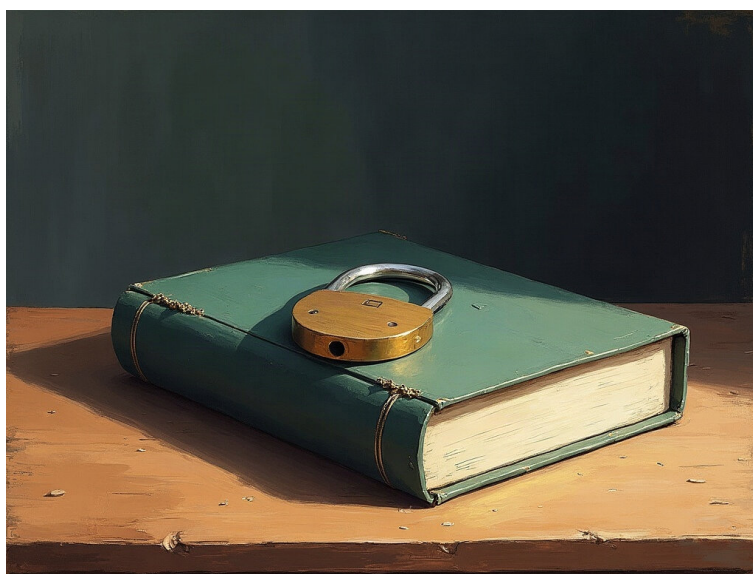

Почему книги запрещают

Кто, как и на каком основании решает, что текст читать нельзя, — и почему запрет почти всегда даёт обратный результат

Литература · 13–17 лет · 14 минут

Запрещают не то, что кажется опасным сегодняшнему читателю, а то, что угрожает чьей-то власти объяснять мир. Механика запрета почти не менялась пятьсот лет, и её полезно знать — хотя бы потому, что она работает и там, где слова «цензура» никто не произносит.

Вопрос не про книги

Начнём с наблюдения, которое переворачивает привычный взгляд.

Список запрещённых книг разных эпох выглядит странно. Там есть то, что сегодня читают дети, и нет того, что нам кажется по-настоящему опасным. Запрещали учебник астрономии и пропускали пособие по военному делу. Запрещали роман о любви и не трогали трактат о том, как управлять людьми страхом.

Значит, запрещают не по признаку вреда. Тогда по какому?

Короткий ответ: **по признаку угрозы чьему-то праву объяснять мир**. Книга опасна не тем, что в ней написано, а тем, что она даёт читателю другую опору, кроме той, которую ему предложили. Всё остальное — детали механики.

Пока книгу переписывали от руки

До середины XV века вопрос почти не стоял, и понять почему полезно.

Рукописную книгу делали месяцами, стоила она как хорошая корова, существовала в считанных экземплярах и находилась там, где хранилось всё остальное ценное: в монастыре, во дворце, в университете. Читать умели проценты населения.

В такой системе запрет не нужен. Достаточно не переписывать. Книга, которую перестали копировать, исчезает сама в течение пары поколений — это не репрессия, а естественное затухание.

Печатный станок ломает это устройство полностью. Текст, набранный один раз, оттискивается сотнями экземпляров, расходится по городам, и остановить его можно, только догоняя. Не случайно первые настоящие списки запрещённых книг появляются через несколько десятилетий после Гутенберга — раньше в них не было нужды.

Отсюда первое правило, которое пригодится дальше: **цензура — ответ на удешевление копирования**. Всякий раз, когда копировать становится проще, механизмы запрета перестраиваются заново, и мы живём как раз в такой момент.

Пока текст переписывали от руки, запрещать было почти нечего

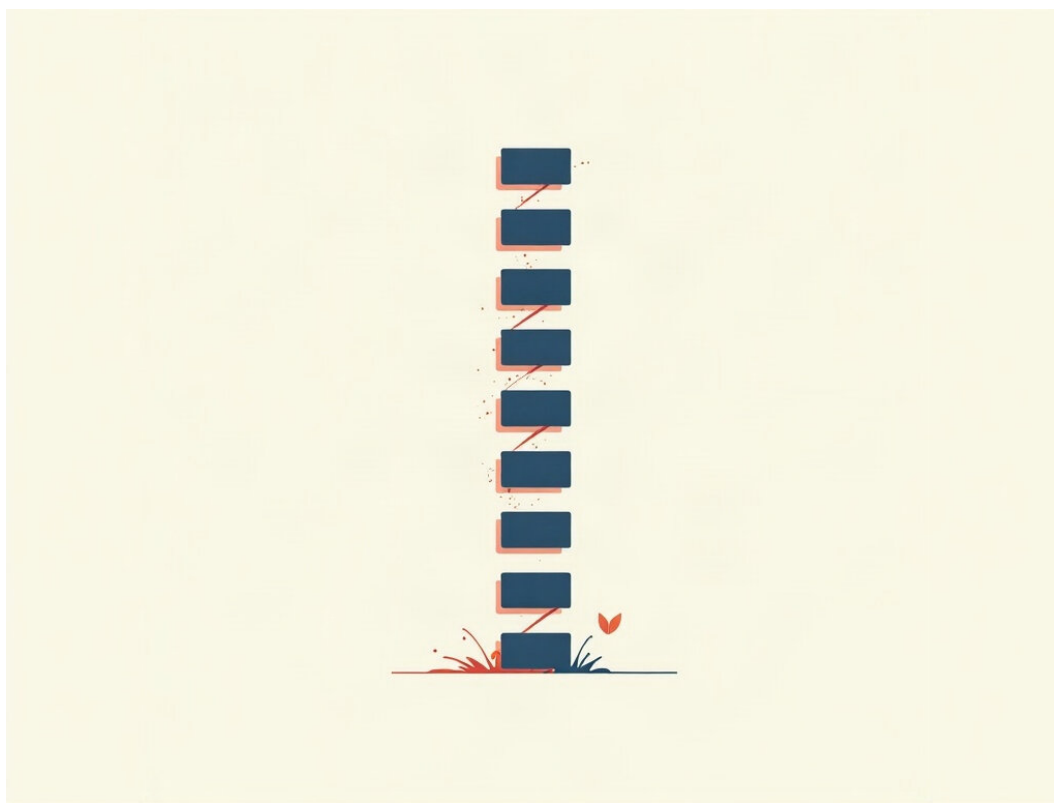
Индекс запрещённых книг

Index Librorum Prohibitorum — перечень изданий, которые католикам не дозволялось читать без особого разрешения. Первый общий список вышел в 1559 году и переиздавался четыре века; отменили его только в 1966-м. В разное время в него попадали Коперник, Галилей, Декарт, Кант, Гюго, Флобер. Список был не приговором книгам, а инструментом: он определял, что подлежит обсуждению, а что нет.

Четыре обычных повода

Если разложить запреты разных стран и веков, поводы сводятся к нескольким, и они на удивление устойчивы.

Картина мира. Книга утверждает, что устройство вещей не такое, как принято. Самый известный случай — гелиоцентрическая система:

Запрет всегда опирается на список, а список кто-то ведёт

спор шёл не о том, вредно ли знать, как движутся планеты, а о том, кто вправе отвечать на такие вопросы.

Власть. Текст ставит под сомнение право правящих править. Сюда попадает почти вся политическая сатира: смешное опаснее гневного, потому что с гневным можно спорить, а с насмешкой нельзя.

Нравы. Книга описывает то, о чём не говорят: тело, желание, преступление без осуждения. Здесь запрет чаще всего оформляют заботой о молодых читателях, и именно здесь спор идёт тяжелее всего, потому что забота бывает и настоящей.

Чужое. Текст принадлежит не тем: другому народу, другой вере, побеждённой стороне. Такие запреты обычно самые массовые и самые быстро забывающиеся.

Заметь, что три повода из четырёх не про содержание вовсе. Они про то, чей голос допустим.

Как запрещают на самом деле

Костры из книг — картинка яркая и нетипичная. Обычная цензура выглядит куда скучнее, и от этого действует лучше.

Разрешение на печать. Не запрет, а обязанность получить одобрение заранее. Огромное преимущество для запрещающего: ничего не приходится отнимать, достаточно не выдать бумагу. И никакого скандала — книги просто не существует.

Дорого и неудобно. Не запретить, а сделать невыгодным: отказать в бумаге, в типографии, в распространении. Формально всё дозволено.

Самоцензура. Самый дешёвый и самый действенный способ. Когда правила расплывчаты, а наказание возможно, автор начинает подстраховываться сам — и вычёркивает больше, чем вычеркнул бы цензор. Редактор снимает сомнительное место, не дожидаясь указаний. Никто ничего не запрещал; текста нет.

Шум вместо тишины. Современный вариант: запрещать не нужно, достаточно утопить. Если рядом с одним текстом появляются двадцать похожих и противоречащих, читатель перестаёт различать и в итоге не верит никому. Результат тот же, что от запрета, а обвинить некого.

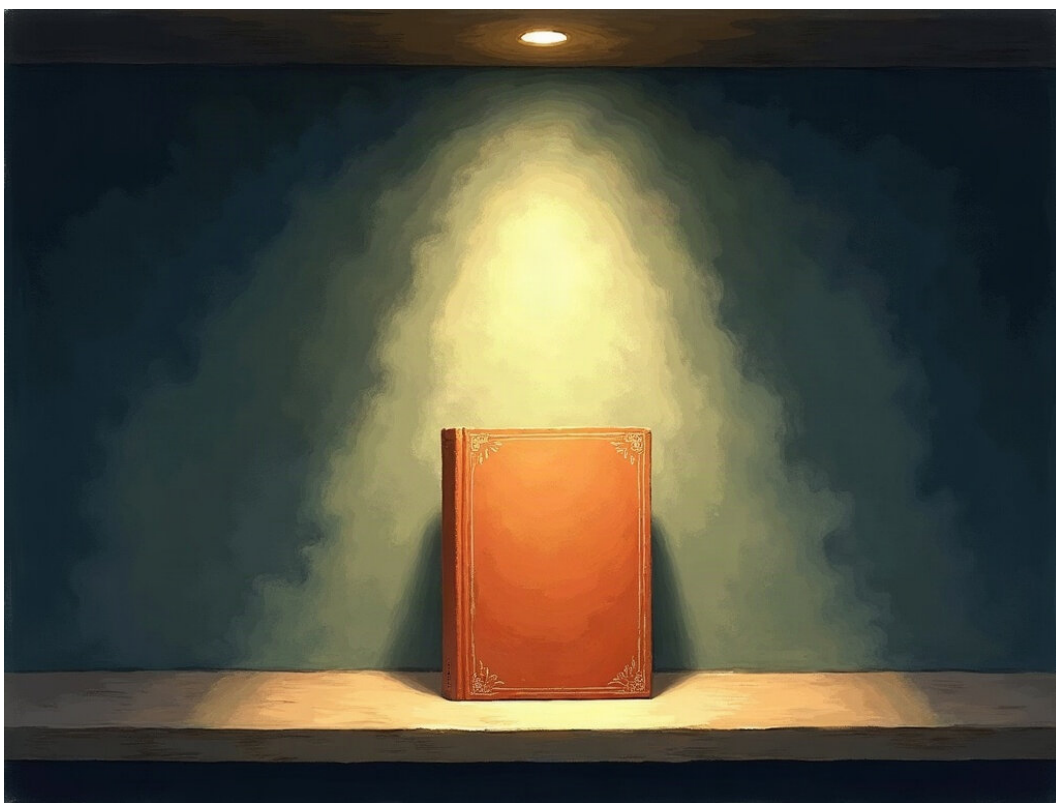
Из всего перечисленного громкий запрет — самый неуклюжий. И вот почему.

Почему запрет работает против себя

У запрета есть устойчивое побочное действие, известное всякому, кто им пользовался.

Книга, которую нельзя, немедленно становится интересной. В список запрещённых попадали сочинения, которые без этого прочли бы десятки человек; после запрета их читали тысячи, причём внимательно — раз прячут, значит, там что-то есть.

Явление называют эффектом Стрейзанд, по случаю 2003 года: певица потребовала убрать из открытой коллекции аэрофотоснимок своего дома. До иска снимок скачали несколько раз, из них дважды — юристы. После новостей об иске — сотни тысяч раз.

Запрещённое становится заметным именно из-за запрета

Механизм прозрачен. Запрет сообщает сразу три вещи: этот текст существует, он важен, и кто-то его боится. Ни одно предисловие не сделало бы книге такой рекламы.

Отсюда парадокс, с которым запрещающие живут веками: **громкий запрет усиливает то, что подавляет**. Поэтому опытная цензура громких запретов избегает и предпочитает тишину.

Бывают ли оправданные ограничения

Не бывает, и линию надо держать жёстко. Любое исключение расширяется: начинают с очевидного зла, а через десять лет под то же основание подводят неудобное мнение. Единственная защита — правило без исключений, и цена его — необходимость терпеть отвратительные тексты.

Бывают, и притворяться иначе нечестно. Ни одно общество не разрешает всё: инструкции по изготовлению оружия, прямые призывы к расправе над конкретными людьми, материалы, снятые ценой насилия над ребёнком, запрещены почти везде, и мало кто считает это цензурой. Значит, спор не о том, есть ли граница, а о том, где она и кто её двигает. Полезный признак для обеих сторон: одно дело — запрещать **действие**, описанное в тексте, другое — запрещать **мнение**. Как только под одно основание подводят и то и другое, различие стирается, и это обычно первый шаг.

Кто решает в наши дни

Сегодняшняя картина отличается от прежней в одном существенном месте, и это стоит проговорить.

Раньше запрещало государство или церковь — то есть кто-то, кого можно назвать по имени, чьи решения где-то записаны и кому можно возразить в суде. Сейчас значительная часть решений о том, что увидит читатель, принимается площадками, через которые идёт текст: магазинами, сетями, поисковыми системами.

У этих решений другая природа. Они не оформляются как запрет, они оформляются как правила сервиса. Их не публикуют полностью. Они исполняются автоматически и в огромных количествах, а потому неизбежно грубо. И оспорить их обычно можно только у того же, кто их принял.

Это не значит, что прежней цензуры не осталось, — во многих странах она никуда не делась и работает по-старому. Это значит, что к ней добавился второй слой, у которого нет ни привычного названия, ни привычных способов сопротивления.

Кто запрещает ради детей

Отдельно стоит разобрать случай, который путает всех, потому что тут запрещающие искренни.

Значительная часть нынешних споров о книгах — это споры не о взрослой литературе, а о школьных библиотеках и программах. Родители требуют убрать книгу, где описано насилие, самоубийство, употребление наркотиков, откровенная сцена. Их довод понятен и не циничен: ребёнок не готов, и взрослые обязаны решать за него.

Возражение тоже не циничное. Книга, где подросток переживает то же, что переживает читатель, бывает единственным местом, где он находит слова для своего состояния. Убрать такую книгу — значит оставить человека наедине с тем, о чём никто не говорит. Именно поэтому чаще всего оспаривают книги, написанные для тех, кому тяжелее всех.

Разница между двумя случаями есть, и она проходит не по теме, а по тому, что текст с темой делает. Одно дело — описать отчаяние так, чтобы его стало видно. Другое — подать его как выход. Это разные книги, даже если в аннотации у них одно слово.

Практический признак: спор о конкретной книге, которую спорящие прочли, — нормальная работа. Список из тридцати названий по ключевым словам, составленный теми, кто их не открывал, — уже не про детей.

Что сжигали и что от этого осталось

Публичное сожжение книг — жест, который повторялся в разных странах и веках, и стоит понять, зачем он делается, если он неэффективен.

Уничтожить тираж огнём невозможно с тех пор, как появился печатный станок: экземпляры разошлись, их тысячи. Устроители костров это понимали не хуже нас. Значит, цель другая.

Костёр адресован не книгам, а зрителям. Он сообщает: вот граница, вот что бывает с тем, кто её перейдёт. Это не уничтожение текста, а публичное назначение врага — и работает он на тех, кто смотрит, а не на тех, кто читает.

Отсюда и его обычный результат. Сожжённые книги почти всегда переживают тех, кто их жёг, и входят в историю именно под этим ярлыком. А вот страх, посеянный зрелищем, действует долго и тихо — через ту самую самоцензуру, о которой говорилось выше. Костёр неэффективен против текста и очень эффективен против желания его написать.

Что делать читателю

Практические следствия, которые работают независимо от эпохи и страны.

Спрашивай, кому мешает. Узнав, что текст запрещён или убран, задай не вопрос «что в нём плохого», а вопрос «чьё право объяснять он подрывает». Ответ обычно короче и точнее.

Различай «вредно» и «неудобно». Эти два основания почти всегда подаются одинаково, и различить их — главный навык в теме.

Читай запрещённое без восторга. Запрет не делает книгу хорошей. Огромная часть запрещённого — посредственные тексты, которым повезло попасть под раздачу. ореол мученика — тоже способ не читать внимательно.

Замечай, что не запрещали, а просто не издали. Самая эффективная цензура не оставляет следов. Спрашивать стоит не только о том, что вычеркнули, но и о том, чего почему-то никогда не было.

Следи за собственной самоцензурой. Она начинается не со страха, а с усталости: проще не писать, не спорить, не упоминать. Именно на этой усталости и держится большая часть тишины.

Главное в трёх строчках

- Запрещают не то, что вредно, а то, что подрывает чьё-то право объяснять мир: три из четырёх типичных поводов не про содержание, а про то, чей голос допустим.
- Цензура появляется как ответ на удешевление копирования, и самые действенные её формы — не костры, а разрешительный порядок, невыгодность и самоцензура.

- Громкий запрет усиливает то, что подавляет, поэтому опытная цензура предпочитает тишину, а не шум.

Вопросы для размышления

- Почему насмешка опаснее для власти, чем прямое обвинение?
- Самая действенная цензура не оставляет следов. Как тогда вообще можно заметить, что она была?
- Площадка убрала текст по своим правилам. Чем это отличается от государственного запрета — и чем не отличается?